

2. Зайончковский, П.А. Отмена крепостного права в России / П.А. Зайончковский. – М., 1968. – С. 305. Дружинин, Н.М. Русская деревня на переломе: 1861 – 1880 / Н.М. Дружинин. – М., 1978.; Дружинин, Н.М. Главный комитет об устройстве сельского состояния / Н.М. Дружинин // Исследования по социально-политической истории России. – Л., 1971

3. ГАТО. – Ф.26. – Оп.1. – Д.3А; ГАТО. – Ф.26. – Оп.1. – Д.1936; – Ф.751. – Оп.1. – Д.5; – ГАЛО. – Ф.165(1) – Д.15; ГАЛО. – Ф.220. – Оп.1. – Д.29 А,Б,В.

4. Броневский, Д.Д. Из записок мирового посредника былого времени / Д.Д. Броневский // Русский архив. – Вып.8. 1901. – С.545–562; Волк-Карачаевский, Н.Н. Сорок лет назад. (Из воспоминаний мирового посредника первого призыва) / Н.Н. Волк-Карачаевский // Киевская старина. 1901. – № 4. – С. 37–41; Крылов, Н.А. Мировые посредники первого призыва (личные воспоминания) / Н.А. Крылов // Исторический вестник. – 1904. – № 7. – С. 88 – 100.

5. Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 г. по 19 февраля 1864 г. – СПб, 1864. – С. 16.

6. ГАТО. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 3А

7. ГАТО. – Ф. 751. – Оп. 1. – Д. 5.

8. ГАЛО. – Ф. 207. – Оп. 1. – Д. 2.

9. Там же. – Л. 24.

10. Там же. – Л. 28.

11. Там же. – Л. 30.

12. Земцов, Л.И. Крестьянский самосуд. Правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60 – 80-е гг. XIX в.) / Л.И. Земцов. – Воронеж, 2007. – С. 57.

САМОСУД В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ ЧУВАШСКИХ КРЕСТЬЯН КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Егоров Димитрий Владимирович

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

Крестьянское правосудие во все времена вызывало огромный интерес среди исследователей, но, вместе с тем, многие вопросы общинного судопроизводства не получили детального рассмотрения. Одним из таких вопросов является функционирование самосуда во второй половине XIX – начале XX вв. в полиэтнической и поликонфессиональной провинции Российской империи – Казанской губернии.

Самосуд – самочинная расправа с кем-нибудь без ведома официальных властей, судебных органов. В этнографической и юридической лите-

ХІІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ратуре, архивных источниках самосуд, с одной стороны, описывается как один из неофициальных общинных судов, с другой – как эффективное средство наказания в крестьянской среде.

Мотивацией к самосуду, в основном, служили следующие преступления: кража личного и общественного имущества, конокрадство, поджог, потрава, нарушение религиозных обрядов и др. Общинники часто прибегали к этому виду наказания, при этом они скептически относились к официальному суду, ибо на таком суде редко дело решалось по справедливости: «Суд умне тариччен юпа кутне тар» (Встань возле столба, чем перед судом), «Суд умне тариччен вут умне тар» (Встань рядом с огнем, чем перед судом)¹. Крестьяне отвергали закон, полагая, что он не охватывает всех проблем, от которых напрямую зависит их жизнь. Особенно неистовствовали крестьяне, когда в их руки попадали конокрады, при этом дело доходило вплоть до убийства. Так как лошадь имела огромное значение в хозяйстве, лишиться ее означало разорение. Волостные суды строго наказывали участников подобных самосудов, но крестьян это не останавливало. Они не были уверены в том, что преступника вообще накажут.

По представлениям чувашских крестьян, лишь общинная расправа способна была дать преступнику должное возмездие. Однако должностные лица (за исключением десятника), добропорядочные крестьяне, которые пользовались доверием в обществе, пожилые люди старше 60 лет, а также демобилизованные могли освободиться от такого жестокого наказания. При таком раскладе виновный в совершении преступления обязан был ставить всему миру ведро или полведра водки, только таким способом можно было уклониться от наказания.

Самосуды были обычным явлением на рассматриваемой территории. Изучение литературных и архивных источников позволяет сделать вывод об обстоятельствах их применения:

- 1) при поимке вора на месте преступления с поличным;
- 2) вследствие медлительности официального суда и его снисходительности к нарушителям общественного порядка;
- 3) при отсутствии доказательств вины явного нарушителя путем тайного решения крестьян-общинников;
- 4) за неисправное выполнение мирских обязанностей.

Решение о расправе членов общины над преступниками, как правило, принимал сельский сход. Обнаружив преступление, сельский староста через десятских созывал сход для обсуждения и наказания виновного. После оглашения приговора преступник сначала подвергался «избиению и всякой насмешке»², а затем разъяренная толпа продавала его личное имущество и на вырученные деньги покупала водку. Иногда дело доходило до полного разорения виновного.

Существует масса интересных случаев чувашского самосуда. Так, судя по материалам рукописного фонда профессора Н.В. Никольского конца XIX в. (Цивильский уезд Казанской губернии), «на спину вора привязывают краденную вещь, напр.: перину, и в таком виде водят его по улицам деревни в сопровождении народа, при чем может его обижать всякий, кто бы не вздумался»³. За мелкие кражи чуваша применяли наказание, называемое «хурапит» (буквально – «черное лицо»): «Скажем, кто-то в деревне украл гуся. Такого выводили на сход, вешали ему через плечо гуся, лицо намазывали сажей; и он в таком виде, выкрикивая «я украл гуся, я украл гуся», сопровождаемый грохотом печной заслонки, тумаками и плевками участников схода, совершал обход по улицам деревни...»⁴. Такие случаи были обычным явлением в крестьянском быту.

Целью самосуда было добиться прекращения совершения преступлений. Специальный ритуал «вождения» предупреждал всех жителей деревни, что в случае воровства, конокрадства, поджога и т.д. кары не избежит никто и семье преступника придется покинуть деревню. Вернуться в общину было, конечно, возможно, но только после публичного покаяния и прощения. Заслужить этого можно было только путем угощения водкой.

Пострадавший от деревенского самосуда во второй половине XIX в. еще не решался жаловаться в официальный суд, однако в начале XX в. «дела на самосуд потерпевшим передаются судебному разбирательству и нередко кончаются печальным исходом для участников самосуда, в виду этого и случаи эти все уменьшаются, надо полагать, что они совсем исчезнут из быта крестьянской жизни»⁵. Хотя самосуды официально были отменены, они все же продолжали функционировать в общественной жизни чувашского крестьянства.

Итак, самосуд чувашских крестьян Казанской губернии был акцией общины, направленной на пресечение действий, которые угрожали нарушить традиционные отношения в общественной жизни и нанести урон хозяйству деревни. Он являлся феноменом народной культуры и выражением конфликта между официальным и обычным правом.

1. Чуваш халăх сĕмахлăхĕ / сост. Е.С. Сидорова. – V том. Вак жанрсем. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательства, 1984. – С. 80.

2. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). – Отд. I. – Т. 268. – С. 387.

3. НА ЧГИГН. – Отд. I. – Т. 167. – С. 197.

4. Чуваша. Этнографическое исследование. В 2 ч. / Н.И. Воробьев [и др.]. – Часть II. Духовная культура. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1970. – С. 16.

5. НА ЧГИГН. – Отд. I. – Т. 268. – С. 389-390.